

АНДРЕЙ ПЧЁЛКИН

КАПЛЯ СОКА

Посвящается памяти

отца и деда

Вечерами случается подолгу сидеть на речной круче, смотреть в темную воду реки, над которой, кажется, так бесшабашно кружатся мотыльки, и только коснись невесомым крылом уставшую от июльской жары стремнину, и заберет и унесет она навсегда этих мальчиков-мотыльков. Темнеет, а я все пытаюсь разглядеть что-то мелькнувшее в речной глубине, вдруг внезапно напомнившее мне о родном, навсегда унесенном рекой...

КАПЛЯ СОКА

Точно, эту березку приметил отец между сосен.

На стволе чей-то свежий надрез мне как раз до виска.

Сколько лет нет отца?

Шесть,

семь,

восемь —

долго капает сок в паутинной глуши сосняка.

Звук за звуком придет — продолжается давняя речь.

Капля сока за каплей — сбывается участь простая:

и по миру за миг пролететь,

из ствола выпадая,

и принять, и простить, и в апрельскую землю залечь.

И за днем встанут дни, и придут как обычно —

с Востока.

И за ветром ветра разнесут по земле семена.

И за капелькой сока я падаю капелькой сока,

всех моля об одном, — не ловите в ладони меня.

СКАЗ

Спас прошел.

Легки сады заречные.

И губу до хруста прикусив,

снова к Богородице,

невенчанная,

соберешься — плода попросить.

Всей мольбой от плоти и от совести,

замесивши таинство кровей,

не в постелях бабами становятся, —

а в церквях, у отчих алтарей...

За семь рек твоя тропинка тянется,

твой подол ветрами передут.

Хлеб возьмешь и улыбнешься, странница:

"Остальное люди подадут."

Подадут.

Да так, поди и сложится

добрый сказ:

"В году невесть каком

уходила дева к Богородице,

по стерне ступала босиком..."

Не усну...

Это кровь.

Это - доля.

Темен волос, да кожа смугла –
мне взятки от гречишного поля
родовая пчела принесла.
На заре не уснуть...
За полесьем доживают свой век старики...
Каждый улей пройдут и окрестят,
на Восток открывая летки.
В этот год двадцать пятого лета
просыпаюсь на каждой заре до последних цветков бересклета,
до холодных ночей в сентябре.

СОСНЯК

Я целый день брожу по сосняку,
Ношу с собой порожнюю корзинку,
Да встречную
Шальную паутину,
Прильнувшую нечаянно к виску.
Я падаю, как в детстве, под сосной.
Тревожный срок отбил какой-то "скорый".
Живица,
Набегающая в поры,
Зашевелилась робко за спиной.
Мой древний пульс!
Который год подряд
На небыль в глухомани обреченный,
На белый свет однажды не рожденный,
Живицей пробивается мой брат...
Прижмусь к нему.
И только пот с лица.

Сошлись в стволах тяжелые расщелины.

И мы еще на братьев не поделены,

И нет у нас ни края, ни конца,

И нет у нас ни зависти, ни лжи –

Шумит сосняк!

Идет земное дело.

Шумит сосняк.

Мое большое тело

Вдыхает жадно теплые дожди.

РЫБАЛКА

Медный купол церквушки

блеснул под дюралевым носом,

Проплываем с тобой

над затопленным волжским селом...

Не уключина скрипнула –

едут телеги с покоса,

Может, песню поют?

не мутит эту воду веслом.

Вот забила в ногах,

чешую обдирая, плотвица

и уже замерла,

задышала в прожженный тюфяк.

Так в избе на полу,

Отрыдав, замирает вдовица

И до самой зари

Отдышаться не может никак...

Не прабабка ль моя

обернулась плотвицею – рыбкой?

Подгадала как есть
этот день на коротком веку.
Зашептала она,
Как запела – так тихо, так шибко
И седой головой
напоследок припала к внучку.
Что просила меня,
заклиная в надежде и тайне?
Горьковатый туман
далеко потянуло с реки –
Это топятся, топятся
древние русские бани,
это курят и курят крутой самосад старики...
Зацепилась леса,
натянулась, запевшая тонко,
и боюсь оборвать,
навсегда из руки отпустить.
И сжимаю в ладонях
белесую эту капронку,
И вцепляюсь в нее,
как в нательного крестика нить.

НА ОЗЕРЕ

Нет клева.
В лунках темнота –
до самой кромки,
как в белом горле немота.
душа – потемки.

Блесну точеную спущу,
припомнив где-то
В холодном подполе свечу
в руке у деда.
На то и подпол, что без дна,
и глубже, глуше...
Сойдется темная вода,
блесну притушит.
Не будет клева ни на грош.
Лед хрустнул косо,
как старый пол, когда войдешь
в избу без спроса...

Жив блаженный Христа ради –
приютили старики.
Вся забота -
В небо глядя, на песке чертить круги.
За рекой, под сизой ивой
распоеется дурачок.
Водит прямо, водит криво
тонко строганный сучок.
Головой косматой вертит.
И закусит вдруг губу...
Не мою ли это чертит
никудашную судьбу?
Зарыдает, загопочет
и такую впишет нить...

Видно сам того не хочет,
да не может изменить.

Марево на большаке,
ни ветерка, ни протоки.
Женщина в черном платке
долго идет по дороге.
Преют стога вдалеке,
буйные травы скосили.
Женщина в черном платке
долго идет по России.
Белую прядь узнаю,
платье из ситца того же —
очень на маму мою
женщина эта похожа.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Тяжело задышала ветла.
Не спастись от лихого разгона.
Не минует калена стрела —
с ветки клюв наострила ворона.
Заметалась моя голова,
растерялись грибы да орехи.
Ну, вот-вот пропоет тетива.
Хоть кричи для потехи.
В степь! —
пока так легли ковыли.
Напрямки! —

и бегу, и бегу я...

Не поет, уже стонет вдали,
по душе человеческой тоскуя.

Третья осень,
только ни следа.

Третья в речке
сменится вода.

Третий год, как сын ушел солдатом,
да пропал под городом Гератом.

Собралась поехать мать в Герат, -
только не пустили,
говорят.

"Может дочь поехала, чтоб вышло?" –

плакала сестра
да замуж вышла.

И никак не хочет
младший брат
ехать в этот самый
град-Герат.

Из которой стороны,
в коей срок
залетел к старухе лист
на порог?

А не в этой ли стороне

неспроста
говорили, будто –
нет ни креста?
И доносит ветер
что ни листок –
обернется –
гимнастерки лоскуток...
Из которой стороны?

Ни у сада, ни у пристани –
нет в округе ни огня.
И всю зиму смотрит издали
вдовьим оком полынья.
Заломлю шубейку на спину,
крут пригорок ледяной.
Не донести до дома засветло
ведра с темною водой.
Бьется льдинка одинокая
в тонкий краешек ведра.
Жили – были; пели – окали
два Семена, три Петра.

Опять обрыв на линии зимой, –
районный город затерялся в мире...
И ореол свечурки восковой
наклонит тени в маленькой квартире.

Потянется, надламывая тьму
дрожащая и чуткая граница:
по ходикам,
по книгам,
по письму,
по глобусу, -
разбитому всему,
где Петербург – пока еще столица.

ВЕСНА

Я выскочил на звонком полустанке,
меня мой дед разносит за версту.
А я в последний тамбур на ходу
забросил два подснежника в ушанке.
Хитрющий, озорнувший – я такой!
"Дурная голова, эх ты, мятежник", -
мой дед берет доверчивый подснежник
единственной левой рукой.

ЗАПАСНОЕ КОЛЬЦО

Взревет самолет.
Построение. Снова
кричит в мегафон наш инструктор, хрипя:
"Сынки, если что – за кольцо запасного
хватайте! и рвите его от себя!"
Прыжок затяжной.
Пробирает до пяток.
Я это кольцо зажимаю сильнее...

И лег на ладони его отпечаток
вдоль путанных линий судьбины моей.
Мы стали "комбезы". Давно ходим в штатском.
Но как-то невольно хватает рука
то шубы моей замусоленный лацкан,
то этот нагрудный карман пиджака.
И мой воротник на рубашке заштопан,
и пуговики нет на последнем пальто. —
Все как-то не так.
Ухватиться за что бы,
рвануть на себя,
если что. Если что.

Ведут теленка на убой.
И мужики промеж собой
перебирают все дела:
чья девка нынче родила,
и сколько плана дал колхоз,
и то, что в области стряслось,
и как в столице взят шпион,
и про далекий город Бонн.
И средь дороги встал бычок.
— Давай, давай, пошел, браток.

Рука не держит,
топор не тешит.

Доска сосновая,
доска кондовая.

И подолгу смотрел на Восток.

Обронив свой окрик одинокий,
пролетела чайка над равниной.
Говорят, здесь прежде было море...
У крыльца сторожки дед Егорка
из ковша льет воду мне в пригоршни.
Я ее хватать не успеваю,
на себя кидаю как придется –
на спину, на шею и на плечи.
Слышу – снова окрик одинокий
обронила чайка, пролетая.
Дед Егорка знает все про море,
только сроду ничего не слышит –
что его ни спросишь, что ни скажешь –
улыбнется, вынесет к порогу
ковш воды из маленькой сторожки.

Даст мне вина и спать меня уложит,
распустит косу в полночь у порога
достанет волчью шкуру из сумы
и ей накроет смуглые колени.
В густую шерсть свои опустит руки,
отыщет пальцем свежую дыру...
Но тут же раскатает прелый мякиш
и ловко ее накрепко залепит.
Прислушается, как в моем боку
протяжный свист на входе оборвется.
Оглянется в окно – уже сгорела

метель дотла – и надо торопиться,
ведь сколько дел.

Незнакомка, я знал,
что ты будешь в халате неброском,
на шестом этаже будет слева окошко в углу.
Ты увидишь меня в феврале на пустом перекрестке.
Прикоснешься губами к стеклу.
Не тебе ли, скажи
заповедная древняя участь?
И зажав медный крест
в неглубокой девичьей горсти,
от лихой стороны,
от беды неминучей,
взяв меня в свои губы,
спаси.

Н.Т.

В бокале Вашем кофе.
Может, ночь
нацежена сквозь сеточку в окне?
Фломастером нарисовала дочь
двух мотыльков на кухонной стене.
Допейте ночь.
Холодным молоком
пусть будет кухня вновь озарена.

Пусть Ваша дочь проснется и тайком
взгрустнет над прилетевшим мотыльком,
замерзшим в сетке старого окна.

Снова осень и версты пустые,
на ветру тополиный размах, —
бродит ветер всю ночь по России,
верно ищет кого-то впотьмах.
Обернешься на крик виновато, —
никого не отыщет твой взгляд,
это я тебя звал здесь когда-то,
лет, наверное, триста, назад.

СОН

...Осенним утром в маленьком поселке
построен наш приезжий детский хор.
И кто-то из охотничьей двустволки
палит — уже так близко — у озер...
Примета ли мне сбудется дурная?
Я честно ухожу в свой детский сон.
Стою, как было, — самым первым с края,
лишь просыпаясь, воздух набираю
и вновь пою в охотничий сезон.

Листья желтыми кулачками
бойко тычутся в грудь на ветру.

Я, наверное, не вспомню –

о чем они?

Забывается к сентябрю.

Прохожу незнакомой улицей,

и окрикнете – не оглянусь.

Забывается, что забудется.

Что припомнится – рассмеюсь.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ОСКОЛОК

Ноябрьские дни, как свечные огарки – долги.

По первому снегу еще ни следа впереди.

В глухом переулке я замер в зеркальном осколке

с царапиной-меткой, чиркнувшей меня по груди.

Откуда он взялся?

С осеннего неба сорвался.

И долго по небу бродили земные глаза,

пробилась слеза.

я напрасно увидеть старался

то место на небе,

которое вспомнить нельзя...

Мне тысяча лет.

Я на все имена отзывался,

я слыл чудачком, я бессонные вирши кропал.

Откуда я взялся? –

С осеннего неба сорвался

и в тысячный раз на холодную землю упал.

И в тысячный раз кто-то лампу в окне оставляет,

и в тысячный раз в переулке дорога чиста.

Погаснет окно.

Первый снег отгорит и растает.

Растает осколок.

Я вновь пропаду навсегда.

Бьется дождь,

озябший и усталый,

кажутся забытыми дела.

Почему ты в августе

осталась

и со мною в осень не ушла?

Почему в последнем

взмахе лета

я с поспешной горечью

постиг:

может, я — Ромео,

ты — Джульетта,

но совсем-совсем

из разных книг?